

ТЕМЫ, ЗАПРЕТНЫЕ ДЛЯ СОВЕТСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

ЛАРИСА НАЙДИЧ, АННА ПАВЛОВА

Введение

Первый, предварительный этап деятельности переводчика — выбор переводимого текста. Этот выбор диктуется как заказом, так и эстетическими вкусами самого переводчика. Под заказом мы понимаем и непосредственное обращение редакции, и соображения оплаты, и моду, и актуальность, «востребованность» соответствующей тематики современным переводчику социумом, и многие другие обстоятельства, побуждающие переводчика взяться за дело. Сочетание двух факторов — вкуса переводчика и заказа — дает мощный положительный стимул для работы. Стремление к планомерному и централизованно регулируемому переводу шедевров мировой литературы на русский язык в XX веке отразилось в основании целого ряда издательств и серий: это серия «Всемирная литература», основанная Горьким в 1919 г. и просуществовавшая до 1927 г., издательство «Academia», основанное в 20-х гг. и разгромленное в 30-х, а впоследствии хорошо известные всем русским читателям серии «Литературные памятники», 200-томная Библиотека всемирной литературы (БВЛ), «Библиотека приключений» (несколько серий) в издательстве Детгиз. Планомерный перевод произведений, созданных на разных языках и в разных культурах, восходит к основополагающему понятию «мировой литературы» как огромного культурного пространства, сформулированному и обоснованному Гете [Virus, Goethezeitportal]. И сам Гете, и его последователи учитывали в формировании этого пространства роль переводчиков. В то же время условия советской цензуры препятствовали осуществлению этих планов: переводились лишь те авторы, которые соответствовали определению «прогрессивные зарубежные писатели». Так, в серии БВЛ из немецкоязычных писателей XX века представлены лишь Иоганнес Р. Бехер, Бер-

тольт Брехт, Томас и Генрих Манн, Анна Зегерс и Лион Фейхтвангер. Известно, с каким трудом проходили цензуру переводы Кафки. Впервые на русском языке его новеллы вышли в журнале «Иностранная литература» (№ 1 за 1964 г.). А в 1965 г. в издательстве «Прогресс» был издан том Кафки, куда вошли новеллы и притчи, а также роман «Процесс» [Синеок]. Посмертным цензурным гонениям подвергались писатели, произведения которых не соответствовали принципу реализма, в текстах которых усматривались намеки, двойное дно, или, как писали цензоры, «неконтролируемый подтекст». Предпочтение отдавалось писателям-коммунистам, друзьям Советского Союза, критикам капитализма, реалистам. Естественно, что недопустимой была тема критического изображения советской действительности.

Советская страна глазами иностранца: путь переводов к читателю

Книга Лиона Фейхтвангера «Москва 1937», написанная по личным впечатлениям автора и впервые изданная в Амстердаме, была сразу же переведена на русский и опубликована в Советском Союзе. Хотя в предисловии к книге сказано, что в ней допущен «ряд ошибок и неправильных оценок», перевод целиком соответствует оригиналу и сделан весьма профессионально. В частности, на страницах книги встречаем следующие замечания:

В этих заметках я высказывался за большую терпимость в некоторых областях, выражал свое недоумение по поводу иной раз безвкусно преувеличенного культа Сталина и говорил насчет того, что следовало бы с большей ясностью раскрыть, какими мотивами руководствовались обвиняемые второго троцкистского процесса, признаваясь в содеянном. И в частных беседах руководители страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность [Фейхтвангер].

Но в целом Фейхтвангер положительно оценивает советскую действительность и даже оправдывает репрессии: «То, что акты вредительства были, не подлежит никакому сомнению. Многие, стоявшие раньше у власти — офицеры, промышленники, кулаки, — сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством» [Там же]. Несмотря на лояльность к СССР, книга Фейхтвангера была вскоре после публикации запрещена в Советском Союзе; ее перевод был переиздан лишь в 2001 г.

Другие свидетельства очевидцев, посещавших Советскую Россию, не были переведены вообще или переводились уже после перестройки. Очень интересны эссе Вальтера Беньямина, который побывал в Москве

в 1926–27 гг. Вскоре был опубликован его большой очерк «Москва», написанный по заказу Мартина Бубера для журнала “Die Kreatur” и содержащий правдивые и весьма нелестные для советского строя описания всего, что он видел, пережил и осознал. Еще более точные свидетельства жизни в советском государстве имеются в его дневнике, переведенном на русский язык лишь в 1997 г. [Беньямин]. А критические очерки Йозефа Рота о путешествии по России в 1926 г. (“Reise in Russland”, 1926) целиком так и не были переведены на русский язык (см. репортаж [“Joseph Roths Russland”], а также [Roth; Rot]).

Понятно, что советская цензура делала все для того, чтобы подобные свидетельства современников не были доступны русскоязычному читателю.

Несовместимость сюжетных линий и отдельных высказываний с советской идеологией

Большие трудности возникали в тех случаях, когда писатель мог бы сойти за «прогрессивного», но в его произведениях встречались высказывания или целые сюжетные линии, не одобряемые советской цензурой. Так было с прозой Генриха Бёлля. Бёлль неоднократно бывал в СССР, интересовался жизнью советских людей, выступал против фашизма во всех его проявлениях и критиковал буржуазную, капиталистическую действительность в ФРГ. На русский язык он был впервые переведен в 1952 г., когда в единственном в то время международном журнале «В защиту мира» вышел его рассказ «Весьма дорогая нога». С 1956 г. переводы Бёлля на русский публикуются регулярно огромными тиражами. Правда, в конце 70-х и до середины 80-х гг. Бёлля в СССР не публиковали из-за его поддержки диссидентов, прежде всего Солженицына. Тем не менее, он остается одним из самых популярных зарубежных авторов в Советском Союзе. Безусловно, в произведениях этого «прогрессивного писателя» и, как известно, принципиального человека, были и пассажи, недопустимые с точки зрения советского начальства. Выход приходилось искать и переводчикам, и редакторам. Как отмечают критики П. Брун и Х. Глейд [Bruhn, Glade: 41], в переводе романа «Групповой портрет с дамой»¹, опубликованном впервые в журнале «Новый мир» (№ 2, 1973; переводчик Людмила Черная), в результате серьезной цензурной правки было сделано около 150 сокращений (приблизительно 500 строк) текста. Известно, что Бёлль был возму-

¹ Первое издание романа вышло в 1971 г. (Böll, H. Gruppenbild mit Dame. Köln). В настоящей статье роман цитируется по 20-му изданию, вышедшему в 2001 г. (см.: [Böll]).

щен качеством перевода. В 1988 г. Еленой Михелевич был сделан еще один перевод этого романа. Выпущенные места были восстановлены, но некоторые искажения, связанные с вопросами политики и идеологии СССР, остались (см. диссертацию Любови Мельниковой [Мельникова]).

Приведем несколько примеров несовместимости текста Бёлля с советской идеологией (см.: [Völl; Бёль]):

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>...die hat sich aus dem nichts gemacht, dass ja nun ihre alten Genossen wieder auftauchten. Die hatte nur eine Zeile im Kopf, schon damals: 'Ich will nicht mehr, ich will nicht mehr', und mit ihren ehemaligen Genossen wollte sie schon gar nicht — sie hat sie nur Thälmannisten genannt, die ihren Mann oder Freund in Frankreich ans Messer geliefert haben, in den eineinhalb Jahren, wo der Stalin-Hitler-Pakt galt, gegen den er gewesen ist, von Anfang an.</p>	<p><Фрагмент текста почти полностью выпущен></p>	<p>Ильза Кремер потеряла мужа: его предали его товарищи по партии, коммунисты, когда он скрывался во Франции, как противника пакта Сталина–Гитлера, и он погиб в лагере. После этого Ильза не желала возобновлять старые контакты с коммунистами, даже когда они снова вышли из подполья и приобрели влияние. Если этого не знать (а это в тексте перевода полностью выпущено), то становится непонятен пассаж, который переводчица все-таки зачем-то оставляет: «Ильзу не волновало даже то, что ее старые товарищи опять вышли на сцену. Уже в ту пору на все у нее был один ответ: “Больше я не хочу, больше не хочу”». Но переводчицу эта нестыковка не смущает.</p>
<p>Nun kam die Zeit, wo Boris zuverlässige Nachrichten über den Frontverlauf, den Vormarsch</p>	<p>А вскоре настало время, когда Борис начал снабжать нас и надежной информацией о линии</p>	<p>Из перевода изъято все, что свидетельствует о том, что в лагере военнопленных была своя</p>

<p>der sowjetischen und der aliirten Truppen lieferte — und jetzt wurde er Bekömmeling von Viktor Genrichovič, der solche Nachrichten dringend brauchte, um unsere Moral hochzupäppeln — und weil er dessen Bekömmeling war, verlor er natürlich das Vertrauen anderer — das versteht sich von selbst, wenn man die Dialektik der Gefangenschaft kennt.</p>	<p>фронта и о продвижении советских войск и войск союзников». <Отсюда и далее фрагмент текста выпущен></p>	<p>мораль, были свои начальники и у них были свои любимчики, что другие пленные этих любимчиков недолюбливали или даже презирали.</p>
<p>Um so viel Auskunft von Pjotr Petrovič Bogakov zu bekommen, bedurfte es fünf günstiger Gelegenheiten, musste der Verf. Einen Infusionsflaschengalgen kaufen, da der zur Verfügung gestellte hin und wieder zu seiner ursprünglichen Verwendung benutzt wurde; es wurden sogar Kinokarten investiert, um Belenko und Kitkin in Farbverfilmungen von 'Anna Karenina', von 'Krieg und Frieden' und 'Doktor Schiwago' zu schicken, Konzertkarten, um ihnen Mstislav Rostropovič nicht entgehen zu lassen.</p>	<p>Для того чтобы получить от Петра Петровича Богакова такую обширную информацию, авт. пришлось пять раз беседовать с ним, выискивая для этого подходящие возможности. Далее: купить новую виселицу для внутривенных вливаний, поскольку старую все же использовали иногда по прямому назначению. И наконец, снабжать билетами в кино соседей Богакова по комнате.</p>	<p>Чтобы не упоминать роман «Доктор Живаго» и имя и фамилию знаменитого виолончелиста Мстислава Ростроповича, переводчица убирает вообще все названия кинокартин и упоминание концертов. Начиная с 1969 года Ростропович и его семья поддерживали Солженицына, разрешив ему жить на своей даче под Москвой и написав открытое письмо Брежневу в его защиту. За этим последовала отмена концертов и туров, остановка записей. В 1974 году Ростропович и Вишневецкая эмигрировали.</p>
<p>“... nein, und nach dem Krieg der ganze Klimbim mit Widerstand und Rennte, Wiedergutmachung und eine neue KP mit</p>	<p><Фрагмент текста полностью выпущен></p>	<p>Здесь идет речь о членах Коммунистической партии Германии, которые предали своего товарища (Вилли Кремера), из-</p>

<p>Leuten, von denen ich weiß, daß sie meinen Willi auf dem Gewissen haben. Wissen Sie, wie ich die genannt habe? Ministrenten. Nein, Nein — dazwischen die ahnungslose Leni, das arme Ding, die sie tatsächlich rumgekriegt haben, als “Hinterbliebene eines tapferen Frontkämpfers der Roten Armee” so ne Art Wahlkampf-Blondine abzugeben. Und ihren kleinen Jungen als Lev Borisovič Gruyten — na, da haben dann wohl alle Bekannten und Verwandten auf sie eingeredet, daß das nicht ging, und sie hats gelassen, aber sie hatte dann noch mehr Dreck am Stecken als während des Krieges. Noch Jahre später hat man sie “die blonde Sowjet-Hure” genannt...”</p>		<p>за чего он попал в лагерь и погиб, а после войны распространяли о себе героические истории.</p>
<p>“Ich hab ja nun eine Frau dort gelassen und einen Sohn, der ungefähr so alt sein dürfte wie Sie, wenn er die zwanzigtausend Möglichkeiten, um Kopf und Kragen zu kommen, überstanden hat. Mein Lavrik war 44 neunzehn, und den haben sie sicher noch geholt — wer weiß wohin — und manchmal denke ich doch dran, hinzufahren und dort zu</p>	<p><Фрагмент текста полностью выпущен></p>	<p>Богаков рассказывает здесь о своей семье, которую он бросил в СССР и к которой после войны так и не вернулся, оставшись в Германии. Кроме того, он признается, что изменял жене с другими женщинами, причем речь идет, скорее всего, об изнасиловании немок в 1945 году.</p>

<p>sterben, egal wo — meine Larissa, ob die wohl noch lebt? Ich habe sie ja nun betrogen, sobald ich Gelegenheit dazu hatte, schon im Februar 45, als sie uns an die Front schickten, um Gräber und Schützenlöcher und Geschützstellungen zu budeln. Da hab ich zum ersten mal nach vier Jahren nach einer Frau gegriffen und bin bei ihr eingekehrt <...>, und ich könnte Ihnen nicht sagen, wie alt sie war, — nun, gesträubt hat sie sich nicht, nur später ein bisschen geweint, denn das waren wir wohl beide nicht gewohnt, Ehebruch, wenn mans so nennen kann...”</p>		
<p>“... Ich konnte nicht mehr weg von dieser Stadt, das mögen mir mein Lavrik und meine Larissa verzeihen...”</p>	<p>Нет, я не мог покинуть этот город, да простят мне мои близкие.</p>	<p>В немецком тексте речь идет о том, что Богаков не пожелал покидать Берлин и возвращаться в СССР к семье, а русский перевод не называет здесь ни жену, ни сына, смягчая этот пассаж и заменяя семью «близкими».</p>
<p>“... die Wange einer Frau, ihr Haar, ihre Tränen — und, nun ja, ihren Schoß. Marie oder Paula oder Katharina, und hoffentlich ist sie nie auf die Idee gekommen, es ihrem Mann zu erzählen oder irgendeinem Beichtvater zu flüstern...”</p>	<p><Фрагмент текста полностью выпущен></p>	<p>Здесь Богаков снова говорит о том, что «занимался любовью» с немками после освобождения из плена, что в советском дискурсе было недопустимо упоминать.</p>

<p>Ich habe Boris' Vater in den Jahren zwischen 33 und 41 in Berlin kennengelernt und mich regelrecht mit ihm angefreundet. Das war gar nicht so ungefährlich, weder für ihn noch für mich. Weltpolitisch gesehen, bin ich immer noch für eine Allianz zwischen der Sowjetunion und Deutschland, und ich vertrete die Ansicht, dass eine echte, herzliche, von gegenseitigem Vertrauen getragene Allianz sogar die — DDR von der Landkarte wegfeigen würde. Wir, wir sind es, an denen der Sowjetunion liegt. Nun, das ist Zukunftsmusik.</p>	<p><Фрагмент текста полностью выпущен></p>	<p>Здесь идет речь о том, что необходим послевоенный союз между СССР и Западной Германией; этот крепкий союз мог бы с годами сделать существование ГДР излишним, и эта страна исчезла бы с карты мира. Понятно, что такое мнение советскому читателю в 1973 году демонстрировать было нельзя.</p>
---	--	---

Критика марксистской идеологии, неприятие антигуманного советского общества, упоминание некоторых нежелательных эпизодов из истории СССР — все эти темы вымарывались и из переводов произведений других авторов. Ниже приведем некоторые фрагменты оригинала и «перевода» из романа Вольфганга Кёппена «Смерть в Риме»² (см.: [Коерпен; Кёппен]):

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>Ein rotes Plakat der Kommunistischen Partei brannte wie ein Fanal. Judejahn dachte an die Nacht des Reichstagsbrandes. Das war die Erhebung gewesen! Eine Epoche hatte begonnen! Eine Epoche ohne Goethe! Was wollte die russisch-römische</p>	<p>Красный плакат коммунистической партии пылал как факел. Юдеян вспомнил ночь, когда пламя охватило рейхстаг. Какой тогда царил подъем! Наконец-то! Началась новая эпоха! Эпоха без Гете! Чего же хочет эта русско-рим-</p>	<p>В немецком тексте идет речь о пакте между Гитлером и Сталиным, о возможностях их более длительного и прочного союза. Они названы «сильными братьями». В русском переводе все это «смазано» и описано очень обтекаемо.</p>

² Первое издание романа вышло в 1954 г.

<p>Kommune? Judejahn vermochte den Text nicht zu lesen. Was brauchte er ihn zu lesen? Er war für an die Wand stellen. Hier an diese Mauer sollte man sie stellen. In Lichterfelde hatte man sie an die Wand gestellt. Nicht nur Rotfront; da hatten noch ganz andere an der Mauer gestanden. Judejahn hatte nur zum Spaß mitgeschossen. Wer sagte, dass die Menschen Brüder seien? Schwächlinge, die etwas haben wollten! Und wenn man sich mit Moskau geeinigt hätte? In Moskau saßen keine Schwächlinge. Wenn man es unter starken Brüdern ausgehandelt, wenn es zu einem größeren umfassenderen Stalin–Hitler-Pakt gekommen wäre?</p>	<p>ская коммуна? Юдеян не мог прочесть текст плаката. Да и зачем ему читать? Он — за расстрелы. К стенке их надо ставить. В Лихтерфельде их расстреливали. Не только ротфронтовцев, там у стенки стояли и другие. Юдеян для забавы тоже стрелял в них. Кто сказал, что люди — братья? Хлюпики, которые просто хотят что-нибудь получить! А что, если бы дело дошло до более широкого пакта, если бы мы тогда заключили более тесный союз с Москвой? В Москве-то сидят не хлюпики! Что, если бы более сильные столковались между собой?</p>	
<p>Der Aufstieg, das Weiterleben, das gute fette und erfolgreiche Weiterleben nach totalem Krieg, nach totaler Schlacht und totaler Niederlage war und blieb auch Verrat, Verrat an den Absichten, der Vorsehungsschau und dem Testament des Führers, es war und blieb schmäbliche Kollaboration mit den westlichen Erbfeinden, die das deutsche Blut, die den deutschen Soldaten gegen den</p>	<p>Новый подъем, продолжение жизни, сытое и успешное продолжение жизни после тотальной войны, после тотальной битвы и тотального поражения было и остается изменой фюреру, изменой его целям, предвидению и завещанию, было и остается постыдным сотрудничеством сисконными западными врагами, которым нужен немецкий солдат, немецкая кровь против</p>	<p>В русском тексте убрано упоминание союзников как победителей, а также их восточного партнера (СССР) как участника их победы.</p>

östlichen Teilhaber ihres erschlichenen Sieges brachten.	их бывшего восточного партнера.	
--	---------------------------------	--

Ср. фрагменты оригинала и «перевода» из повести Фридриха Дюрренматта «Подозрение»³ (см.: [Dürrenmatt; Дюрренматт]):

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
Man sollte die Dinge endlich vergessen, sagt man, und dies nicht nur in Deutschland; in Russland kämen jetzt auch Grausamkeiten vor, und Sadisten gebe es überall.	Говорят, надо забыть в конце концов старое. Жестокость и садисты бывают всюду.	Никакого упоминания о России, где в 1951 г. также происходили страшные события.

Еврейская тема

Государственный антисемитизм — одна из политических линий советского государства, сказывавшаяся во многих сферах общественной жизни и культуры. Историки считают, что этот процесс начался в середине 30-х гг. «В 1936 г. происходит смена ориентиров: еврейская тема объявлена несуществующей, и цензура начинает рьяно выполнять новую установку идеологического аппарата ЦК» [Блюм: 187]. Казалось бы, власти действовали нелогично — зачем упускать хороший повод критики царского режима и демонстрации преимуществ советского строя? Но нет — стали изыматься любые упоминания о еврейских погромах, происходивших до революции, а впоследствии и вообще любые упоминания евреев и еврейской тематики. Так, искажению подвергся рассказ А. Куприна «Гамбринус»: в издании 1937 г. было вычеркнуто место, где говорилось о погромах. Из полного собрания сочинений Горького (1949–58 гг.) были удалены статьи и рассказы, касающиеся еврейской темы. После Второй мировой войны было приказано молчать о зверствах нацистов по отношению к евреям. Опубликованная в 1961 г. поэма Евтушенко «Бабий Яр», как известно, вызвала большой скандал, в том числе и в писательской среде. Скандалом сопровождалось и использование этого текста в 13-й симфонии Д. Шостаковича (1962). Главлит занимался фронтальным просмотром всех изданий, связанных с еврейской тематикой — они объявлялись сионистскими и изымались

³ Повесть была написана в 1951–52 гг.

из библиотек. В справочных изданиях не упоминалась национальность деятелей культуры и науки, если они были евреями. Так, в Театральной энциклопедии читаем: «Майя Плисецкая — советская балерина». Ситуация с запрещением еврейской темы начала постепенно исправляться с началом перестройки (промежуточным стыдливым вариантом слова *евреи* стал термин *граждане еврейской национальности*). Ее слом ознаменовался публикацией романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» в журнале «Октябрь» в 1989 г. Цензурирование переводной литературы в связи с еврейской темой пока не изучено. Приведем несколько найденных нами примеров (см.: [Böll; Бёль]):

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>“Wie bist du denn durchgekommen, bei Untersuchungen und so, ich meine, durchgekommen, mit deiner, nun sagen wir, veränderten Vorhaut? — und er hats mir gesagt, er hat einen Freund gehabt, einen Medizinstudenten in Moskau, dem ziemlich klar war, wie gefährlich das werden konnte, und der hat ihm das provisorisch mit nem Stück Katzendarm ganz säuberlich unter fürchterlichen Schmerzen wieder drangenäht, bevor er in die Armee mußte, und es hat gehalten, bis — nun bis er dauernd in diese Erregungszustände geraten ist, und da ist diese Vernähung draufgegangen, ab”.</p>	<p><Фрагмент текста полностью выпущен — 2 полных страницы></p>	<p>Непосредственное упоминание обрезания как признака, выдающего еврея. Тема Холокоста и попыток спасения евреев в связи с проблемой традиционного обрезания.</p>

Ср. также [Коерпен; Кёппен]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>Warum ging er nicht gutgekleidet, mit einem guten Paß ausgestattet, mit Geld reichlich versehen in ein gutes Restaurant, füllte sich den Bauch bis zum Speien, füllte ihn sich, wie ihn sich die Juden wieder füllten, füllte ihn sich mit Gänseleber, mit Mayonaisen, mit zarten gemästeten Kapaunen, ging dann in ein Dancing, gutgekleidet, mit Geld versehen, trank sich voll und gabelte für die Nacht was auf, wohl gekleidet, wohl versehen, geil wie die Juden, er konnte konkurrieren, er durfte Ansprüche stellen, warum tat er es nicht?</p>	<p>Почему он, в хорошем костюме, с хорошим паспортом, с хорошими деньгами, не идет в хороший ресторан, не набивает там брюхо до отказа, как эти люди без роду, без племени? Почему бы ему не нажраться гусиной печенки, не попробовать различных соусов, не отведать откормленного каплуна, а затем не отправиться в дансинг — в хорошем костюме, с хорошими деньгами, — напиться там и подцепить девчонку на ночь? Хорошо одетый, с хорошими деньгами, он мог бы составить им конкуренцию, он имеет право претендовать на многое — почему же он этого не делает?</p>	<p>В тексте Кёппена множество раз упоминаются евреи, это навязчивая идея бывшего офицера вермахта Юдеяна. В переводе упоминание евреев часто сохраняется, но иногда и изымается (видимо, чтобы не переборщить). В данном отрывке они становятся «людьми без роду без племени» (видимо, переводчики еще хорошо помнят эпоху «безродных космополитов»). А дальше речь в немецком тексте идет о «похотливых евреях». Вместо этого в русском переводе находим только местоимение «им».</p>
<p>... sie war nicht schwarzbraun, die neben ihm saß, schwarz wie Ebenholz, welsch, vielleicht eine Jüdin, sie war bestimmt eine Jüdin, eine Aussaugerin, eine Blutverderberin...</p>	<p>... эта рядом — не смуглая, она черная, как эбонит, эта заморская девка, вероятно еврейка, даже наверняка еврейка, предательница, низшая раса...</p>	<p>В немецком тексте Blutverderberin — это не просто «низшая раса», а та, которая портит породу (кровь), если с ней совершает половой акт представитель арийской расы.</p>
<p>... das Gewimmel von Leuten, merkwürdig gekleidet und sonderbar zweifelhaften Gehabens, das ganze Gesocks, wie</p>	<p>... все эти кишевшие вокруг них люди, странно одетые и с сомнительными, чудаковатыми манерами, весь этот</p>	<p>Трудно назвать <i>кагал</i> словом из антисемитского жаргона. Но бывало, что антисемиты так говорили. Нужно было до-</p>

Friedrich Wilhelm Pfaff-rath jiddisch-antisemitisch jargonierte.	кагал — Фридрих-Вильгельм Пфафрат употребил выражение из антисемитского жаргона.	бавить еще и эпитет. Переводчики не решились употребить слово «идиш», как в немецком оригинале, и получился довольно нелепый вариант перевода.
--	--	--

В повести Ф. Дюрренматта «Подозрение» действует герой по имени Гулливер, человек мощного телосложения и огромного роста. Он — еврей, сидевший когда-то в лагере и подвергшийся операции без наркоза, сделанной нацистским врачом-садистом. Нигде в русском переводе не упомянуто, что Гулливер — еврей, хотя из-за этого остается неясным, почему он оказался в лагере. Сам Дюрренматт регулярно называет Гулливера евреем: «еврей сказал», «еврей засмеялся» и т. д., а переводчик везде заменяет это слово на «Гулливер», «гигант», «собеседник». В оригинале Гулливер, например, «готов почтенными таalmудистами и их седыми бородами», а в русском тексте он просто «готов поклаться».

В этой же повести рассказывается о судьбе доктора Марлок — еврейке, которая была к тому же еще и коммунисткой. Она эмигрировала в 1936 году в СССР, откуда ее после заключения пакта Молотова–Риббентропа выдали гестапо. Она оказалась в концлагере, где стала любовницей врача-садиста. Вся ее вера в людей разрушена, она превратилась в робота, внутри она вся выжжена. Вся эта сюжетная линия в переводе отсутствует, и читатель только узнает, что героиня повести была в лагере и стала любовницей врача, но он не может понять, ни почему она оказалась в лагере, ни почему у нее очерствело сердце, и мучения других людей ее не трогают. Таким образом текст повести в переводе искажен совершенно безнадежно. Ср. [Dürrenmatt; Дюрренматт]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
... aber ich will nichts vergessen und dies nicht nur, weil ich ein Jude bin — sechs Millionen meines Volkes haben die Deutschen getötet, sechs Millionen! — nein, weil ich immer noch ein Mensch bin...	... но я не хочу забывать, потому что я все еще человек...	В переводе ни слова не сказано о погибших от руки немцев шести миллионах евреев и о том, что говорящий (Гулливер) тоже еврей.

<p>“Christ, Christ, vernimm, was ein Jude dir erzählt, dessen Volk euren Heiland gekreuzigt hat und der nun mit seinem Volk von den Christen ans Kreuz geschlagen wurde...”</p>	<p>Комиссар, комиссар, послушай, что я говорю.</p>	<p>Должно быть: «О христианин, послушай еврея, чей народ распял вашего Спасителя, который, в свою очередь, нынче вместе с его народом был распят христианами!» В переводе текст искажен до неузнаваемости.</p>
<p>... auch bei den anderen starben die kunstvoll gefesselten Juden brüllend unter Messern am Schock...</p>	<p>... так же и у других умирали искусно связанные арестанты под ножами от шока, вызванного болью ...</p>	<p>Замены слова «еврей» на все, что «подвернется под руку», встречаются в тексте перевода постоянно, как будто переводчик считает это слово чем-то глубоко неприличным.</p>

Религиозная тема

Замены в переводах были связаны и с разгромом церкви в Советском Союзе, с пропагандой атеизма. Так, например, Гулливер в повести Дюрренматта на протяжении всего своего длинного монолога несколько раз обращается к Берлаху “Christ”, а в переводе везде это обращение заменено на «комиссар». Ср. [Dürrenmatt; Дюрренматт]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>Er soll nicht so schreien, sagte der Kommissär, sonst komme die Nachtschwester. Sie seien in einem soliden Spital. “Die Christenheit, die Christenheit”, sagte der Jude. “Sie hat gute Krankenschwestern hervorgebracht und ebenso tüchtige Mörder”.</p>	<p>— Не кричи, — сказал комиссар, — иначе придет дежурная сестра. Мы ведь в солидном госпитале. — Солидность, солидность, — ответил тот, — она создала хороших медсестер и старательных палачей.</p>	<p>Вместо «христианство» (именно оно изобрело добросовестных сестер милосердия и добросовестных же убийц) переводчик употребляет слово «солидность», что лишает реплику Гулливера всякого смысла.</p>

<p>“Glaube, Hoffnung, Liebe, diese drei, wie es so schön im Korinther dreizehn heißt. Aber die Hoffnung ist die zäheste unter ihnen, das steht bei mir, dem Juden Gulliver, mit roten Malen in mein Fleisch gezeichnet”.</p>	<p>— Вера, надежда, любовь!.. Надежда — самая живучая из них, это врезалось в тело Гулливера следами шрамов.</p>	<p>Ср. в Книге Коринфян, 13: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». Переводчик Библию, естественно, не упоминает.</p>
--	--	--

Бывали случаи, когда переводчики по незнанию даже самых известных религиозных текстов допускали ошибки. Так, Нора Галь приводит пример, как переводчик не смог справиться с известным библейским выражением из Екклесиаста «Отпускай хлеб твой по водам» [Галь: 71–72]. Ошибка такого же характера допущена в уже цитировавшемся нами переводе романа Бёлля. Ср. [Böll; Бёлль]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
<p>“... ein ziemlich billiger und kitschiger Heiliger Joseph...”</p>	<p>Иосиф Прекрасный, так сказать, в дешевом варианте? Иосиф Прекрасный для бедных.</p>	<p>Неверный перевод; heiliger Joseph = святой Иосиф, а не Иосиф Прекрасный. Незнание Библии.</p>

Физиология, исключение сексуальных тем

Еще одна причина купюр в переводах — ханжество, требование не допускать описания «неприличных» ситуаций и использования соответствующих слов, что в первую очередь касалось всего, что связано с сексом. Физиологические проявления людей, анатомия «ниже пояса», сексуальные связи обходили молчанием, считали недостойными — в этом отношении коммунистическая идеология унаследовала христианские представления о греховности плоти. Несколько поколений советских людей воспитывались в сексуальном невежестве, в страхе, в боязни извращений [Кон]. Секс и физиология считались «нездоровыми» явлениями. Особенно страшными казались гомосексуальные отношения, рассматривавшиеся как преступление — с 1934 до 1993 г. они были уголовно наказуемы в СССР. Проповедовавшаяся некоторое время после революции 1917 г. вольность нравов быстро уступила место аскетизму. Красавиц — героинь кино интересовали выполнение плана, работа колхоза, отношения в трудовом коллективе,

а если и любовь, то в ее возвышенно-платоническом варианте. Конечно, и в немецкой литературе соблюдались правила приличия, запрещающие откровенное описание сексуальных сцен и не допускающие некоторые неприличные слова, требующие их замену эвфемизмами (кажется, бóльшие вольности позволялись в англоязычной традиции), но все же в советской печати запреты были заметно строже. Помимо действия цензуры, здесь сказывается и традиция: было принято, что письменный язык — сугубо литературный, без вкраплений просторечной и грубой лексики. Не был выработан лексикон и стиль описания сексуальной стороны жизни человека: в распоряжении переводчиков могли быть либо медицинские термины, либо непристойные слова. Характерна заметка известного историка Арона Яковлевича Гуревича, критиковавшего перевод «Песни о нибелунгах»:

С minne как чувственным влечением в переводе тоже обстоит не все благополучно. Гунтер, потерпев жалкое фиаско в первую брачную ночь, делится наутро свою горестью с Зигфридом: «Я к ней со всей душою, она ж меня, мой друг, // Связала и повесила на крюк в стене, как тюк» (строфа 649). Так перевел Ю. Б. Корнеев. Несколько более расплывчато выразился переводчик М. И. Кудряшев: «Я к ней, было, с любовью...». Но в подлиннике сказано “do ich si wande minnen”, и означает это в данном тексте не душевное движение, а “to make love!” [Гуревич: 276–314].

Курьез этого замечания выдающегося ученого состоит в том, что он, требуя от переводчиков прямого высказывания, сам прибегает к английской идиоме. Таким образом, сексуальная тема ставила сложную задачу перед переводчиками и перед цензорами. Самый простой выход состоял в редакторских купюрах, которые часто искажали смысл произведения, или в эвфемизмах. Ср. [Böll; Бёлль]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
“...Amerikaner <...>, die nicht viel mehr zu sagen wußten als “fucking war” und “fucking generals” und “shit on the fucking Hürtgen forest”...	... и только все время ругались по-английски.	Эвфемизация (смягчение грубости) и опущение фрагментов.
“Der menschliche Paarungsdrang geht ja von Liebe auf den ersten Blick über den spontanen Wunsch, einer Person des anderen oder eigenen	Первооснова стремления людей жить парами — это любовь с первого взгляда, то есть стихийное желание обладать существом другого	Эвфемизация (смягчение при упоминании сексуальных потребностей: вместо «стремление к спариванию») и опущение (указание на

Geschlechts...”	пола, просто обладать, не связывая себя надолго.	гомосексуализм).
“... Margaret hats ziemlich mit Männern getrieben...”	Маргарет любила довольно много мужчин.	Эвфемизация (смягчение при упоминании секса: вместо «якшалась со многими / крутила романы со многими мужчинами»).
“... von improvisierten Vergleichen, die erlaubtes und unerlaubtes Küssen beschreiben sollten, wobei “Schnecken” eine von dem Mädchen nicht zu eruiierende Rolle spielten ...”	...говорил о дозволенных и недозволенных поцелуях, причем неясную для девушек роль здесь играли «сдобные булочки».	Эвфемизация (смягчение при упоминании анатомии: Schnecke на жаргоне — женский половой орган.
“Aber wenn es über mich kam, habe ich diese Bedenken über Bord geworfen und mich spontan verhalten und bin, nun, ich bin rangegangen und hab hin und wieder — so nennen wir das auch — eine aufs Kreuz gelegt”.	Но нет правил без исключений, иногда я действовал спонтанно и... Ну да, иногда я, так сказать, шел на связь. Так мы это тоже называли.	Эвфемизация (смягчение при упоминании секса: вместо «снял бабу, трахался с кем-нибудь»).
“Jedenfalls: der eine kam zu mir, packte an meine Brust und zog mir die Hose runter, der andere zu der jungen Frau, nahm ihr das Holz aus dem Mund und küsste sie, und wir haben es eben da miteinander getrieben, wie Sies nennen wollen, zwischen uns das schlafende Jügelchen...”	Просто мы захотели быть вместе...	Текстовый фрагмент полностью искажен и почти вычеркнут, так как здесь Бёльль изображает сцену откровенного секса.
“... das Instrumentarium männlicher Geschlechtlichkeit, dessen Erregung und Erregbarkeit mit	<Фрагмент текста полностью выпущен>.	Речь идет о мужской сексуальности, о сексуальном возбуждении.

sämtlichen Folgen, Freuden...”		
--------------------------------	--	--

Ср. также [Кюерпен; Кёппен]:

Немецкий оригинал	Перевод	Комментарий
Unter dem Tisch pressten sie Knie und Hacken zusammen, auch den Arsch.	Они расправили плечи, щелкнули под столом каблуками.	«Задницы», которые они (бывшие эсэсовцы) напрягают под столом, в русском тексте не упоминаются.
Ich sah einen Mann ein Weib begatten, und mich ekelte, weil ihre Vereinigung das Leben fortsetzen konnte.	Я представил себе, как мужчина обнимает женщину, и мне стало противно, ведь объятие могло вызвать продолжение жизни.	В немецком тексте речь идет не об объятии, а о соитии; как объятие может вызвать продолжение жизни?
“Wo wirst du schlafen?” Und ich dachte: Soll ich ihm die Hälfte des Bettes anbieten? Und ich dachte: Ich darf ihm mein Bett nicht anbieten.	— Где ты ночуешь? — А сам подумал: предложить ему остаться у меня? И подумал: нет, я не должен предлагать ему остаться.	В немецком тексте речь идет о том, чтобы предложить двоюродному брату переночевать на свободной половине постели. Но даже это кажется переводчикам, видимо, чем-то недопустимым.
...und Siegfried dachte an den Schoß des Weibes und dass sie Kinder hatte, und es ekelte ihn vor dem feuchten und warmen Schoß, vor den feuchten und warmen Kindern, dem feuchten und warmen Leben.	Зигфрид подумал о ее лоне, о том, что у нее есть дети, и ему стало противно от этой теплой и влажной груди, от влажных и теплых детей, от влажной и теплой жизни.	Почему-то повторное упоминание лона заменяется упоминанием груди. Видимо, это уже просто превысило меру, с точки зрения переводчиков.
Ich ging zum Tiberufer. Ich lehnte mich über die Brüstung und sah unten auf dem Fluss in male- risch trügendem Glanz ...	<Текстовый фрагмент о том, как Зигфрид знакомится с мальчиком-проституткой и совершает с ним соитие, полностью выпущен из перевода —	Несмотря на то, что в романе постоянно упоминается гомосексуализм и переводчики само слово регулярно переводят, откровенная

	это примерно две полных страницы текста>	сцена реального соединения представителей одного пола в печатной продукции СССР была немислима.
Sie glitten langsam dahin, unsichtbare Kufen auf unsichtbarem Eis, drunter schillerte die Unterwelt, tobten die Kobolde, wirrten die bösen Wichtel, knirschten die Höllenschergen, waren erwartungsvoll, schürten unsichtbar Feuer, badeten in Flammen, rieben sich geil ihr Glied...	Они плавно скользили вперед, словно на незримых полозьях по незримому льду, а под ними переливалась красками преисподняя, неистовствовали гномы, волновались злые карлики, скрежетали зубами адские палачи, все они были охвачены ожиданием, раздували незримые костры, купались в пламени...	Пассаж о том, что эти жители преисподней похотливо потирали свой детородный орган, из русского текста выпущен.
...der Gedanke an die Sünde reizte die Hoden, regte die Samenzellen an.	Но размышления о грехе вызвали в нем желания, будили его мужскую силу.	Грубая, животная телесность Юдеяна, подчеркиваемая упоминанием физиологических деталей (мошонка, семенники) в переводе заменена чем-то туманным; в итоге омерзение, вызываемое этим человеком, отчасти нейтрализуется, что резко нарушает замысел автора.

Заключение

Уже на приведенных здесь примерах можно убедиться в том, что цензурные искажения и сокращения вели к обесмысливанию целых сюжетных линий, а также к обеднению передачи духовного и морального облика героев произведений или деформации их характеров. Фальсифицировался замысел автора. Это не могло не отражаться на художественном качестве текстов и на том впечатлении, которое они производили на читателя.

Ущерб, который наносился этим имиджу писателя и восприятию его текстов, трудно переоценить.

Едва ли можно сегодня сказать, насколько цензурная правка переводного текста была обусловлена работой над ним редактора, а сколько мест вымарывалось или искажалось самим переводчиком заранее, еще до сдачи рукописи в редакцию. Можно предположить, что переводчик во многом руководствовался самоцензурой, зная, что такое-то место заведомо «не пройдет».

Приведенный в нашей статье материал, касающийся цензурных купюр в переводах, ясно высвечивает идеологические запреты в Советском Союзе. Конечно, эти советские реалии хорошо известны и памятли поколению людей, живших в то время, и без анализа переводов. Но молодому поколению сегодня уже трудно себе представить, чего были лишены советские читатели. Наш материал настолько нагляден, что может быть убедительнее декларативных заявлений и самых подробных описаний. Он может быть использован и исследователями цензуры, и в работах по истории советской культуры вообще.

Сегодня необходимо внимательно изучить все переводы, выполнявшиеся в годы господства советской цензуры, оценить их качество и, в зависимости от результатов этой экспертизы, возможно, принять решение о новых переводах тех же произведений. В архивах русской литературы в Марбахе (Deutsches Literaturarchiv, Marbach) и в Бремене (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa, Bremen) хранятся, в частности, переводы произведений некоторых западных писателей «без купюр», т. е. те варианты переводов, которые либо так и не увидели свет, либо были опубликованы с цензурными искажениями. Работа по поиску этих переводов, сравнению их с оригиналами и с опубликованными русскими текстами только начинается.

Литература

Беньямин: *Беньямин В.* Московский дневник / Пер. С. Ромашко / <http://www.fedy-diary.ru/html/032013/0703013-03a.html> (Дата обращения: 22.06.2017).

Бёлль: *Бёлль Г.* Групповой портрет с дамой / Пер. Л. Черной // Новый мир. 1973. №№ 2–6.

Блюм: *Блюм А.* Еврейская тема глазами советского цензора. (По секретным документам Главлита эпохи Большого террора) / Петербургский Еврейский Университет. Сер. «Труды по иудаике». 1995. Вып. 3: Евреи в России: История и культура.

Галь: *Галь Н.* Слово живое и мертвое. М., 2001.

Гуревич: *Гуревич А.* Средневековая литература и ее современное восприятие. О переводе «Песни о нибелунгах» // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.

Дюрренматт: *Дюрренматт Ф.* Подозрение / Пер. Е. Факторовича. М.: Прогресс, 1997.

Кёппен: *Кёппен В.* Смерть в Риме / Пер. В. Девекина и В. Станевич. М.: Прогресс, 1980.

Кон: *Кон И.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. Алматы, 2010. Изд. 3-е.

Мельникова: *Мельникова Л.* Роман Генриха Бёлля «Групповой портрет с дамой» как опыт рецепции русской литературы XIX века // Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. наук. Нижний Новгород, 2016.

Рот: *Рот Й.* Ленинград / Пер. А. Жеребина / <http://magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro17.html> (Дата обращения: 22.06.2017).

Синеок: *Синеок А.* Цензурная судьба Кафки в России / <http://www.vehi.net/kafka/sineok.html> (Дата обращения: 22.06.2017).

Фейхтвангер: *Фейхтвангер Л.* Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература, 1937.

Birus, Goethezeitportal: *Birus, H.* Goethes Idee der Weltliteratur. Eine historische Vergegenwärtigung // Goethezeitportal / http://www.goethezeitportal.de/db/wiss/goethe/birus_weltliteratur.pdf (Дата обращения: 15.10.2016).

Bruhn, Glade: *Bruhn, P.; Glade, H.* Heinrich Böll in der Sowjetunion 1952–1979. Einführung in die sowjetische Böll-Rezeption und Bibliographie der in der UdSSR in russischer Sprache erschienenen Schriften von und über Heinrich Böll. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1980.

Böll: *Böll, H.* Gruppenbild mit Dame / <https://www.dtv.de/buch/heinrich-boell-gruppenbild-mit-dame-959.pdf> (Дата обращения: 27.12.2017).

Dürrenmatt: *Dürrenmatt, F.* Der Verdacht. Diogenes, 1985.

“Joseph Roths Russland”: Репортаж “Joseph Roths Russland”, Programm “Arte” / <http://www.arte.tv/de/videos/055886-002-A/die-gro%C3%9Fe-literatour> (Дата обращения: 24.06.2017).

Коеппен: *Коеппен, W.* Der Tod in Rom. Berlin: Volk und die Welt, 1983.

Roth: *Roth, J.* Reise in Russland. Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1970.